

ЖИЗНЬ
СМЕРТЬ
И
БАЛЛОНЫ
КРАСКИ

Вероника Самогаева

18+

Вероника Самогаева

**Жизнь, смерть. И
баллончик краски**

«Автор»

2024

Самогаева В. В.

Жизнь, смерть. И баллончик краски / В. В. Самогаева —
«Автор», 2024

Месяц. Тридцать один день. Как же это мало, если посмотреть на него с высоты года, пяти лет, десяти. И как же много, если за это время заново учишься жить. Одному из них четырнадцать, другому - сорок пять. Один стоит на краю гибели, так и не узнав жизни, а другому она стала невыносима. И только одно в мире, пропитанном человеческой болью, незыблемо: любовь родителя и ребенка. Хоть ребенок не твой, да и ты не его родитель... Эта книга о том, что любая боль утихает, о том, что все проблемы, помимо твоего полета с высоты крыши пятиэтажки - решаемы. И о баллончике краски. На что он способен, если попадет в руки тому, "кому надо"

© Самогаева В. В., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Вероника Самогаева

Жизнь, смерть. И баллончик краски

Глава 1

В небе едва брезжит рассвет. Утро серое и бессолнечное – одно из тех, которые наступают позже положенного, не сулит жителям Новоалтайска встать с первым будильником. Только жаворонки – то ли сверхлюди, то ли поехавшие – кутаются в одеяла, потягивают кофе из кружек и, глядя на улицу из окон, прищелкивают языком: «Ну и дубак...» Из туч, набухших от влаги и грозно нависших над крышами пятиэтажек, на битый асфальт не упало ни капли. Будто бы дождевые облака сами ждут лучшего момента, чтобы низвергнуться ливнем на головы понурых прохожих. Зато октябрьский ветер отнюдь не такой коварный и внезапно не атакует – всю ночь завывал в приоткрытых пластиковых окнах жилых домов и оконных проемах заброшек. Бросая клочья пыли и горсти прелой листвы в лица редких прохожим, воздушный вихрь свистит в их ушах, заглушая любые иные звуки. Впрочем, едва ли в шесть часов утра субботы продуваемая вдоль и поперек ледяным ветром улица так уж кишит людьми. Жаворонкам в их одеялах и с их кофе в руках, сонно всматривающимся в мусор и листья, что трепет по асфальту ветер, сочувственно вздохнуть не по кому. Улицы пустуют. Помимо одной. Той, что ближе к окраине. Из окон, выходящих на Октябрьскую, все как один проснувшиеся – а может, он лишь один, а может, и ни одного, кто б знал – смотрят на сгорбленную фигуру мужчины в сером, что медленно плетется мимо, куда-то в сторону отшиба. И все они не могут решить для себя, что же о нем думают. «Идет, паскуда. Последние шмотки пропил». «Господи, куда ж его понесло-то? Он хоть сам идет или ветер волочет?» «Бедняга. Обросший, тощий. Куда ж ты такой, как же... это ж...» Но в одном все зрители схожи: фигура за окном пробуждала заспанную голову куда лучше их крепкого кофе. Было жаль только, что наблюдателей от мужчины отделяли стены и этажи. А вдвойне печалила простая истина: отделий их два шага от человека в сером, никто из них этих двух шагов бы не сделал.

А вот и она, пятиэтажка! Одна из немногих хрущевок Новоалтайска, в которой местные власти так и не удосужились установить домофон. Деревянная, громко скрипящая от любого прикосновения дверь была всегда приглашающе открыта каждому заплутавшему человеку, коту, потрепанному злыми мальчишками, а во времена холодов – любому, сильному и не слишком, порыву ветра. Сегодня же гостем унылого подъезда, стал этот человек в сером пальто.

Едва ли его волновал затхлый запах этой умирающей развалины. Едва ли его хоть что-то смогло бы взволновать, а потому облезшие стены и погнутые перила он не окинул взглядом.

Тихо. Как бывает в палатах психбольницы, даже ветер там свистит один-в-один, пусть и за окнами. Вот куда нужно мужчину в сером, да на месяцок, другой. Так или иначе, все его коллеги разделяют это мнение. Где еще может находиться бедняга, который молча пялился в пустоту, стоя среди гробов в похоронном агентстве, мямлил черт пойми что, а потом вдруг встрепенулся и обсыпал всех, кто был рядом, своими «почему?»

Почему я не заставил их пристегнуться?

Почему я не повернул руль?

Почему они? Почему именно они?

«Конечно, он в лечебнице, где ж ему еще быть то» — думают они, — Сидит себе под одеялом, таблеточки принимает! Ещё немного – и вернется в строй»

Только вот не в лечебнице он. Потому что...

Кто пойдет лечить убийцу? Где достать силы, чтобы шевелить руками и ногами, отвратительно медлительными? Никто не пойдет, никогда и ни за что.

К кому угодно мужчина мог быть милосердным. Но не к человеку, в секунду сломавшему его жизнь пополам. И потому, исхудавший и истерзанный, он, цепляясь за обшарпанные перила, медленно идет наверх. С каждой преодоленной ступенью до конца не вылеченная голень воет все громче, но вспышки боли им не замечены – очередная пачка обезболивающего, проглоченная без стакана воды, еще заглушает вопль.

Но против полутора месяцев жизни на таблетках и алкоголе бессилён любой обезбол, что и вынуждает «пьяную морду, всю совесть пропил, тьфу» прислониться к стене напротив лестницы, ведущей к чердачному люку, закрыть лицо руками, не видеть и не слышать женщину, что внезапно вынырнула из-за двери в квартиру...

«Минута, еще минута...» — думает он, пряча голову между коленями.

— Развелось отщепенцев! — орут откуда-то сверху.

Как гудит его голова. В нее будто вкручивают шуруп.

— А мне кормить, на мои бабки, мои налоги! А самой че жрать?!

«Оленька, Светочка...»

— Суки вы бродячие! Что б вы подошли все! — резануло по ушам напоследок, после чего женщина двинулась вниз. Обшарпанные стены поглотили ругательство, возродив тишину для человека, который не может заплакать. Ветер гуляет по крыше, трепещет хлипкий деревянный люк, не раз выломанный и не раз восстановленный.

А человек в пальто и с выцветшими глазами уже не здесь. Он сидит возле коек, поглощенный и сжираемый тишиной, пропитанный запахом не затхлого подъезда, а санитарии, видит лица с потемневшими веснушками, видит кровь там, где ее нет и быть не может. Кровь на одежде, кровь на ладонях, пальцах, кровь, кровь, кровь...

— Ну что, милый, на море то махнем будущим летом? — улыбается Оля, ловко переворачивая блины на сковородке, а взгляд стекленеет и по щеке бежит багровая капля...

— Папа! Там белочки, на ветках! — смеется Света, а белый сарафанчик все больше краснеет.

В районе шеи. Как раз там, где она сломалась.

Он стискивает зубы, опрокинув голову назад. Ему удается сдержать вопль. В этот раз.

Тогда они не были мертвы, когда жарили блины, гуляли, смеялись. Но эта кровь на локонах и косичках, эта вездесущая кровь... Она повсюду, всегда, в любом образе, всегда с ним, всегда на них.

Он получил, что должен был. Он целиком и полностью заслужил наблюдать подобное.

Но с него хватит, хватит!

— Прекрати!

Побелевший кулак с силой ударяется о пол, на котором сидит мужчина, но отрезвляет его не боль, а собственный крик, который, все же, вырвался наружу. Истощенное сердце учащенно бьется, дыхание прерывается, как дыхание едва не утонувшего, когда он, не найдя в себе силы даже на гримасу боли, открывает глаза...

И видит их.

Два милых образа, ради которых он без раздумий бы отдал жизнь — возле лестницы, ведущей к люку. Оля стоит привычно для себя, чуть отставив назад левую ногу, Света сложила руки за спиной и улыбается, прищурившись. На Оле длинное платье, на Свете сарафанчик — тот самый, белый.

Смеющаяся улыбка любимой; сияющая, как солнце, улыбка дочери. И ни капли крови, ни капельки!

Карие глаза с хитрым прищуром и широко распахнутые голубые глазки смотрят так ласково и взгляд не стекленеет! Его самые близкие люди стоят прямо напротив, невредимые.

Разве он достоин? Чем он заслужил...

– Вы? – хрип, вырвавшийся из уже целую вечность сомкнутых губ, немедленно поглощает тишина. Никогда он так не боялся говорить, как теперь, когда любой звук может спугнуть наваждение.

Жена и дочь кивают, улыбки, такие теплые, не сходят с лиц...

И у человека, что не мог заплакать, в глазах все расплывается.

— Простите... – шепчет он, едва шевельнув губами.

Оля делает шаг назад, увлекая за собой Светочку, которую держит за руку. И их возможное исчезновение кажется ему куда хуже любого из пережитых за пару месяцев кошмаров под дурманом коньяка в купе с обезболивающим.

Он, стиснув зубы, встает на ноги, не успев, впрочем, сделать ни шагу, прежде чем Оля и Света оказываются на верху лестницы, ведущей к чердачному люку. Никто на всем белом свете не смог бы объяснить, как такое возможно, и в последнюю очередь – мужчина в сером пальто. Но главное он замечает. Едва уловимый взмах руки с обручальным кольцом на пальце, взгляды голубых и карих глаз, отражающие ожидание, улыбки, не только ласковые, но и приободряющие...

Он видит смысл, вложенный в эти жесты, он слышит, о чем говорят его иссохшему от боли сердцу взгляды, но не может поверить, не смеет поверить. Неужели правда, неужели, боже...

Они просят пойти следом!

Человек в сером едва шепчет. Голос отказывается звучать.

— Сейчас?

Сейчас? Когда он захотел сбежать от заслуженной кары, трусливо покончить со всем одним махом? Даже теперь?

Они кивают. Не «даже» теперь. *Атолькоте*перь. Потому что его простили.

Быстро, насколько позволяет измученное тело, мужчина забирается к люку, ведущему на крышу, и рывком откидывает его как единственное препятствие. Замок, что значительно усложнил бы ему путь наверх, лежит у подножья лестницы, кем-то сорванный.

Движение, вопль покалеченной кисти руки – и мужчина наверху, опрокидываемый порывом ветра. Любой бы уже ринулся вниз, стуча зубами и запахивая полы пальто. Но не тот, у кого на все лицо растянулась улыбка. Такой не бывает у тех, кто по-настоящему счастлив.

Сил на бег, да что уж там – на быстрый шаг – нет, потому ему, замороженному, остается только брести, и он бредет.

Он бредет, подволакивая ногу, которую не вылечил до самого конца и лечить не собирается. Он бредет, наслаждаясь невероятным приливом эйфории, уже забывший о существовании этого слова. Он бредет, боясь, что они не дождутся его, калечного, и исчезнут.

— Не уходите. Не уходите. Не уходите! — звучат от него слова. Слова молитвы.

Десять метров. Семь. Пять... Еще пара шагов, пара шагов!

Мужчина спотыкается и падает. Ноги отказываются идти.

— Пожалуйста, — умоляет он, не отрывая взгляд от фантомов, — Только не уходите!

– А-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!!

Внезапный, звучащий будто сразу отовсюду вопль обжигает мужчину, как пощечина. Неудачно двинувшись, он опирается на ногу, втягивает воздух сквозь зубы, отвлеченный яркой вспышкой боли.

И замирает, глядя вперед, позволяя ветру гулять в полах пальто. Помимо свиста в ушах от потоков воздуха – ни звука.

«Что это? Что это было?»

Ошарашенный, он потирает рукой заросшее лицо, растерянно осматривается. Крик – оглушающе громкий – звенит в ушах так, что не слышно ветра, но стих он так же, как и раздался – внезапно, заставив мужчину на пару мгновений выйти из оцепенения. Пока он вновь не

устремил взгляд вдаль. Осознание поглотило его с головой и оставило на лице гримасу ужаса. Он кидается вперед, озираясь. Из груди вырывается стон. Их нет. Ни жены, ни дочери.

– Где вы?!

Царапая ногтями металлический шифер, он уже не утаивает вопль за стиснутыми зубами и закушенными губами. Впервые за месяц... За дни и ночи, проведенные в аду, они оказались рядом. И снова

Мысли крутятся в голове, сменяют одна другую, и каждая призывает подняться, броситься вперед, отыскать и никогда, отныне, не терять. Вот только сил у человека, что стоит коленями на холодном металле, прижимает ладони к голове, а голову – к коленям – нет. Слишком тяжело, чтобы встать. Чтобы думать. Жить. И слишком тяжело, чтобы жизнь прервать. Он лежит на боку, сжавшись в комок, прячась от мира и воющего, вездесущего ветра, как дети прячутся от ужасов ночи под одеялом, уверенный: с него хватит. Собственный рассудок оказался глумливее всех кар, что готовила для него преисподняя. Мужчина привык видеть своих девочек в луже крови, истерзанных безжалостным металлом. Теперь же они стояли перед ним, счастливые. Стояли – и исчезли. Подтвердив, что счастливыми он их больше не увидит. Никакими не увидит, никогда.

«Почему сейчас не зима?» — вдруг думает он, растворяясь в серости пасмурного неба, — «Почему не идет снег...»

Ведь было бы так славно. Лежать, расслабив руки, перевернуться на спину – и ждать. Ждать, пока тело не начнет стынуть, а снежинки перестанут стекать каплями по лицу, замирая одна за другой на холодных щеках. Почему бы ветру не стихнуть, почему бы октябрьскому дождю не обратиться снегом, что посыпится из вон той, самой большой, тучи? Он лежит, слегка выпрямившись. Ветер и не думает стихать, нависшие над крышей грозовые тучи не разрождаются снегом, потому что не могут. Но кого это расстроит? Ничто не мешает человеку в сером, на сером железе крыши серого дома, ждать этого спасительного снега, как безнадежно больной ждет эвтаназии. Есть ему смысл уходить? Нет. А в принципе жить? Смешно... Потому опускает веки на потускневшие голубые глаза и замирает, растворяясь в свисте воздушных потоков. Уверенный, что больше не встанет. Снега ждать долго. Потому, возможно, первая снежинка, что приземлится на веко, не растает. Мужчина закрывает глаза, позволив железному шиферу медленно отнимать тепло у тела и...

И его глаза тут же распахиваются. Что он сейчас услышал?

Едва-едва, какое-то мгновение, сквозь завывания ветра – но услышал? Тоненький, совсем детский, всхлип. Тот, что десятки и сотни раз звучал возле него, на его руках и в бесконечных, кошмарных снах! Мужчина упирается локтями в поверхность под собой. Тело стонет от этих попыток, нога же, едва зажившая, вопит, но какая, к чертовой матери, нога, что такое – эта нога? Что она такое, когда там, у края, всхлипывает его дочь?

Плачет, привычно сморщив маленький носик-кнопку, ждет, чтобы он поднял ее на руки, утер мокрые дорожки слез, прижал к себе, крепко-крепко... Разве есть теперь на свете что-то, способное стать препятствием на пути к этим объятиям? Точно не здравый смысл и простое понимание: дочери там нет и быть не может.

Кряхтя и постанывая, мужчина преодолевает отделяющие его от края несколько метров, подается вперед, вцепившись в шифер. И застывает.

Первое, что он видит – кровь. Не ту, что преследует его во снах и видениях, нет. Такая кровь осязаема, течет по бледной коже, даже белой, не бледной. Оттого та будто горит, такая яркая.

Каким-то полуметром ниже его рук, у самой стены – мальчишка. Накрепко схватившийся в железку, что торчит у стены.

Лица его мужчине не видно. Ему вообще мало что видно, помимо тонких длинных пальцев, изрезанных об острый металл. Истекающих кровью и делающих железку скользкой.

Но мальчишка не скользит. Он вообще не шевелится. Темно-русые волосы, которые треплет ветер, окрашиваются в красный – капля за каплей, окрашивается тонкая шея. А голова уронена на грудь, как у тряпичной куклы.

Мужчина смотрит на мальчика, который минуту назад собрал последние силы для громкого вопля, и не может заставить себя пошевелиться. Рассудок, заторможенный горой обезболивающих, не может дать мышцам нужную команду и только прокручивает в голове бестолковое: «Ее здесь нет. Дочери. Нет. Нет...»

Очередная багровая капля стекает по белому пальцу. Летит вниз, впитывается в синюю ткань мальчишней ветровки.

И оказывается самой тяжелой из всех. Потому что после ее приземления рука ребенка, ослабев, разжимается

А следующих мгновений мужчина не помнит. Порой память жалеет нас, прячет подальше образы, бесконечно прокручивая которые человек медленно сходит с ума. А порой стирает то, что не приносило вреда, позволяя чему-то другому, более страшному, стать частью жизни. Память непонятна и странна... И потому в голове мужчины нет того, как он упал на живот, схватился левой рукой за отставший от крыши шифер, а другой – за тонкое запястье. Как он дернул на себя чуть ли не по наитию пойманную руку, вскочил на ноги под странный хруст и забыл, как дышать, упав на спину. Он не видел, не слышал. Он приходит в себя, откашливаясь.

Видит небо – серое, под стать раскинувшемуся под ним Новоалтайску. Слышит свист ветра. Над ним – грозовая туча, которой никогда не разродится снегом... Он лежит, не решаясь двинуться, вдохнуть. Громко кашляет – легкие требуют вернуть то, что отняло падение на спину – приподнимает голову, фокусирует взгляд на дрожащем теле, которое держит на руках. А в ушах у него, помимо завывания ветра, стоит хруст ткани, непонятно откуда взявшийся. Но он нем. Мужчина в мгновение забыл. Потому что под его ладонями – тонкая ткань ветровки. А перед глазами – истерично вздрагивающий ребенок.

Быстрый вдох, резкий выдох. Мальчик смотрит на покрытые кровью ладони так, будто вместо ладоней у него – обрубки. Мужчина аккуратно берет ребенка за плечи, пачкая ветровку его же кровью. Тот не отвлекается, продолжая гипнотизировать раны на руках. Разевает рот, отчаянно глотая воздух.

Пристальный взгляд выцветших глаз. Пара щелчков пальцами перед мальчишьям носом.

— Слышишь меня?

Он не слышит. А если и слышит – не понимает. И продолжает дрожать, глядя на... Руки. Теперь мужчине ясно. Мальчишка смотрит на кровь – и проживает все снова, сначала. Прямо как он сам.

Он берет скуластое лицо в ладони и требует:

— Смотри на меня.

Мальчишке будто бы очень тяжело сфокусировать взгляд на чем-то одном. Дрожа всем телом, он озирается по сторонам, как испуганный зверек. Мужчина же, на удивление спокоен – может, потому, что сил на эмоции просто не осталось. Он ждёт, пока бегающий взгляд остановится на нем, и произносит – так спокойно, как может:

– Все хорошо. Ты в безопасности.

Зрительный контакт длился одно мгновение, два, три... До слуха мужчины доносится ритмичный стук – стук зубов о зубы. И он вновь едва не валится на спину, когда мальчишка, изменившись в лице, утыкается в его пальто. Нога, задетая ребенком, снова вспыхивает болью, но вопли боли тут же заглушаются – громким, детским воем.

Мальчишка рыдает так, как может рыдать только снятый в последнее мгновение с края крыши, не пытаясь размазать текущие по щекам слезы, вовсе не замечая слез. Мужчина же держит на коленях рыдающего мальчишку как пассажир на вокзале держит сумку, дабы не

потерять. Шепчет туда, где, вроде как, мальчишье ухо, свое: «Тихо, тихо», потому что так подсказывает логика. Прижимает к себе дрожащее, теплое тело, потому что оно – маленькое, а он – родитель. Был им

И смотрит поверх лохматой макушки – вдаль, где над крышами Алтайки солнце прочертило бледную полоску. Рассвет.

Мужчина, вновь впавший в оцепенение, уже не здесь. Не здесь и тот, кто шепчет, прижимает. И тот, кто успел спасти – не здесь. Потому что спасший и убивший – порознь. Потому что мало понять: тебя простили, нужно простить самому. Чтобы осознать: сейчас ты успел. Чтобы меняться в лице, когда вырываешь мальчишек из пасти смерти и замечать, когда их рыдание на твоей груди затихает.

Мужчина, опустивший взгляд от последнего из них, вдруг понимает: тонкие запястья, вцепившиеся в пальто, обмякли.

Будто сквозь белесую пелену, он смотрит в бледное лицо, на посиневшие губы – и не видит их. А увидев, не задействует ни единую мышцу лица. Только констатирует про себя: мальчишка в отключке. И, кажется, замерзает.

Бегло осматривает его. «Ну конечно, замерзает. В одной толстовке то»

Двигаясь как в полусне, снимает пальто, заворачивает в него обмякшее тело. Громко вздохнув и покрепче стиснув зубы, встает на ноги

И только за пару сотен метров до больницы к нему приходит осознание: на его руках – живой ребенок. *Покаживой.*

* * *

Когда он врывается в приемные покои, все присутствующие шарахаются от него, как от умалишенного. Таким он и выглядит: колтун из давненько не мытых волос на голове, изрядная растительность на лице, бешеные глаза (которые в ту минуту никто бы не назвал выцветшими), черт знает чем испачканные брюки... и рубашка. Только рубашка. В октябре месяце! Зато в руках пальто... Окровавленное. — Сестра! Врачи! Кто-нибудь! — вопит он, бегая от одной двери к другой.

В регистратуре приоткрывается окошко, и мужчина бросается к нему.

— У меня тут ребенок, раненый, в крови! — В ответ – тишина. Которая длится не дольше пары секунд, но ему и этого хватает, чтобы завопить: — Вы меня слышите, нет?! Он в крови! — Господи... — лепечет показавшаяся из двери регистратуры женщина, не видя мальчишку, зато наблюдая того, кто держит его на руках. Мужчина и думать забыл, что в крови здесь не только ребенок. Он тоже в крови. В крови ребенка. — На кушетку кладите, живо! — распорядилась сестра, что успела взять себя в руки быстрее регистраторши, забежала в какую-то дверь и вернулась оттуда уже с доктором.

В голове с проседью что-то шелкает – перед ним мальчишьи ладони. В горле что-то заклокотало, руки начали зудеть, а в голове волчком закрутилась одно замечание. Довольно неуместное:

«Ну и тощие же у него руки»

— Целый? — звучит вопрос от запыхавшейся медсестры

Свое «да» мужчина произносит как-то странно, будто проглатывая. Не до конца уверенный, упоминать ли изрезанные ладони.

Упоминать не приходится. Другая медсестра, молоденькая практикантка, все видит сама и судорожно втягивает воздух сквозь зубы. Но среагировать не успевает, рядом оказывается доктор.

— Пульс? — шамкает он с таким тоном, будто к нему лично каждое утро привозят таких вот мальчишек.

— Сорок два — чеканит девушка

— Сколько без сознания?

Молчание. Секунда, две
— Сколько без сознания?!

Мужчина вздрагивает. Ему и в голову не пришло, что вопрос задавали ему.

— М-гм, г-где-то Минут десять.

— В реанимационную, быстро!

Мгновенно взбодрившийся доктор катит кушетку по коридору, к нему на помощь бежит санитар. Усилием двух мужчин каталка летит по коридору со скоростью пули.

— Реанимационный набор! — крик разносится по всему этажу, отражаясь от стен. Мужчины слышат его отдаленно, будто из-под воды и смутно понимает: так быть не должно.

Полчаса на путь до пятиэтажки, пятнадцать минут – на то, чтобы оказаться здесь. И только один вопрос: что дальше? Этот вопрос мужчина задать себе не в состоянии. А вместо пустого молчания вдруг, сам того не ожидая, выдает:

— А с ладонями что?

И понимает: в коридоре он – не один. Девушка-практикантка застыла при виде мальчишки точь-в-точь, как он, придя в себя мгновением раньше

— От ладоней не умирают, с ними потом...

Узкие ладони с тонкими запястьями одергивают больничный халат. Девушка не знает, куда деть руки. Она, в отличие от застывшего в ступоре бородача, не имела право на растерянность

— Кровью не истек, переохлаждение вот серьезное.

Этих слов мужчина не слышит. Слово «умирают» заглушило их. Какое-то оно... Неправильное.

Как и там, на крыше, в реальность его возвращает тишина. Теперь она царит в приемных покоях, ведь вряд ли кому-то хочется шуметь, находясь в одном помещении с окровавленным бородачом. На него смотрят не отрываясь. Молча. Нужно уходить. И побыстрее.

— Я извиняюсь... М–мужчина? Он оглядывается. Регистраторша. – Я уже ухожу — Нет-нет, подождите. Мне необходимо взять у вас кое-какие данные. Женщина прошла за дверь регистратуры и открыла блокнот.

— Зачем? — прозвучал вопрос. Накрашенные брови подскочили на немолодом лице. — Как это – зачем? А на кого мне регистрировать ребенка? Тут уже взмыли ввысь мужские брови, ненакрашенные — Это не мой ребенок. — Не ваш? Он мотнул головой — Не мой. Я его просто... я ему просто помог.

Женщина нетерпеливо стучит пальцами по столу. — Значит, еще раз поможете. Вам все равно еще с полицией разговаривать.

Мужчина устался на медсестру, а потом распахнул глаза, в понимании. Разумеется, его просто так отсюда не выпустят. Он приволок в больницу истекающего кровью ребенка!

В больницу, о которой хотел бы забыть и не вспоминать больше никогда. Потому что и так провел здесь слишком много времени

— Мужчина?

Он опирается спиной на стену, хватается руками за спинки сидений в коридоре Он совсем забыл, куда приволок мальчишку. И теперь ему придется сидеть здесь, долго сидеть.

— Мужчина!

— Д-давайте — чувствуя, как начинает колотиться сердце, он опустил на сидение, — Давайте я сам приду в участок? Давайте прямо сейчас вызовем полицию и меня заберут? Я не хочу здесь находиться! Не хочу!

На мгновение смешавшаяся медсестра наконец все поняла.

— Мужчина, успокойтесь.

— Я не останусь здесь. Вы меня не оставите!

Преисполненный решимости, мужчина встает на ноги. Медсестра подбегает к нему, но путь не перегораживает – вид мужчины внушает ей страх. Пошатываясь и покрепче стиснув зубы, он движется к двери, протягивает к ней руку И застывает. Сжатые как в спазме пальцы удерживают какую-то ткань. Джинсовую ткань. Ветровка мальчишки. Как он не заметил, что взял ее?

— Вам нужно присесть, — не спуская настороженного взгляда, медсестра б

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.